

A sepia-toned photograph of a wide, grand staircase leading up to a building. A small child is running up the stairs, leaving a long, dark shadow behind them. The title is overlaid in large white letters at the top.

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

КУДА
ВЕДУТ
НАШИ
СЛЕДЫ

Михаил Жванецкий

Куда ведут наши следы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жванецкий М. М.

Куда ведут наши следы / М. М. Жванецкий — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100914-4

Неповторимый, узнаваемый, великий, народный писатель. Король юмора, дежурный по стране – все это Михаил Жванецкий! В новой книге тонкий юмор автора на абсолютно разные темы: смешные случаи и истории из жизни, отношения мужчин и женщин, молодость и старость, семейное счастье и ностальгия по недалекому прошлому, искренние посвящения друзьям и еще многое другое. Уникальность Михаила Жванецкого, его талант – в емкости и точности фраз, в их философской мудрости и в то же время простоте и легкости. «Если бы я мог обмануть себя по-крупному, я был бы счастлив». Его юмор помогает жить, дарит море положительных эмоций, объединяет людей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100914-4

© Жванецкий М. М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Ностальгия	6
История вкратце	7
История вкратце	8
Самочувствие	11
Весна	12
Обокрали	13
Бедный Юрик	15
Губами говорить	20
Чехов	22
Правда или то, что думаешь	23
Унитаз, НАТО, Сочи	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Михайлович Жванецкий

Куда ведут наши следы

© М. Жванецкий, 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Есть писатель-река.

Есть писатель-море.

Я писатель-дождь.

Меня надо собирать в ведро.

Ненавижу цепи.

Обожжаю нити.

Я все-таки не герой, я – соловей.

Ностальгия

Для меня Старый год – это год революции на Украине.

Это люди, в которых проснулась свобода.

Это униженные начальники, предъявляющие пропуск толпе.

Это молодые лица.

Это тот недолгий праздник, что даёт толчок жизни и искусству.

А что будет потом – это будет потом.

Всевышний, к сожалению, строго следит за балансом.

Он уж постарается, чтоб ликование не осталось безнаказанным.

Тем более что те, кого вынесло наверх, всегда думают одинаково.

Но мы это знаем, и они знают, что мы знаем, что они знают, что мы знаем.

Мы на это идём ради праздника.

А куда денется огромная толпа чиновников, милиционеров, председателей комиссий, министров, инспекторов, аудиторов и судей, то есть тех, кто превращает результат, который будет, в результат, который был?

Куда они денутся, мы увидим сразу после Нового года.

А пока прошу к столу.

История вкратце

Дети во дворе.

– Это ты порвал?

– Это само было.

– Погуляешь, пойдёшь делать уроки.

– Я буду делать арифметику.

– Делай арифметику.

– Нет. Я буду делать письмо.

– Делай письмо.

– Нет. Я буду делать географию.

– Делай географию.

– Но сначала я погуляю.

– Хорошо. Погуляй.

– Нет. Я сначала пойду делать арифметику.

* * *

Усосался водки, отъедренил мать, закатил под кровать жену, дыханием убил фикус, затолкал жвачку в скважину соседям, разбил раковину, избил прохожего и неожиданно погладил кота.

* * *

Главная ошибка пишущего – ему кажется, что люди жадно ловят его слова.

* * *

Народ имеет того, кто его имеет.

* * *

– Когда пьёшь коньяк – сосуды расширяются.

– А когда не пьёшь – сужаются?

– Так кто же им даст?!

* * *

В Одессе.

– Как пройти к Привозу?

– Идите так, как я сижу.

– Вы имеете в виду – лицом?

– А как же! Идите, я вас буду наблюдать. Если вы не туда свернёте, я крикну. Идите, идите, пока я молчу.

История вкратце

Они шли к морю по узкому переулку.
Две толстые женщины с большой кошёлкой посредине.
Молодой парень не мог их обогнуть.
Опёрся на их плечи и, легко перепрыгнув кошёлку, затанцевал впереди.
К нему подошёл кто-то из зрителей:
– Вы обидели двух женщин.
– Вы антисемит? – спросил парень.
– Я еврей.
– И я еврей, – сказал русский, и они разошлись.

* * *

Мы все следим за культурой женского тела.

* * *

Идеальный ресторан – когда официантки отвлекают от еды, а еда отвлекает от официанток.

* * *

В нашей стране данные о воровстве тоже ворованные.

* * *

Отец говорил мне: «Не спеши, и всё сбудется!»
И вот сбылось: я уже не спешу.

* * *

Она вышла на сцену с цветами.
Пожелала мне всего хорошего, поблагодарила за прекрасный концерт, за огромный заряд бодрости, за прекрасный юмор, за незабываемые впечатления и вручила цветы.
Пришлось растеряться, так как концерт ещё не начинался.

* * *

Конечно, для счастья мало хорошего дома, прекрасной машины, обильной еды, тёплой одежды, весёлых детей... Но что там остаётся?

* * *

Если бы я мог обмануть себя по-крупному, я был бы счастлив.

* * *

У нас единственные профессионалы – это воры.

* * *

– Ты едешь на соревнования по юмору?

– Нет. Не берут. Говорят, что я мешаю им соревноваться.

* * *

Вы думаете, если я одинок, значит – свободен?

А если женат – значит, не одинок?

* * *

Я женился и превратился из свободного, весёлого, лёгкого, молодого, ни в чём не нуждающегося человека в счастливого! Ага!..А как же!

* * *

Что такое 80? Это право целовать любую женщину без её согласия и без своей надежды.

* * *

Последнее, что я услышала:

– Галочка, кагор – церковное вино. От него не опьянеешь.

* * *

Вот это дом!

Даже спальня имеет кодовый замок.

Плита закрывается на ключ.

Каждая форточка захлопывается на английский потайной наборный.

Раковина на замке.

Холодильник на висячем амбарном.

Кровать цепями прикована к стене.

В кровати жена на цепи.

И дети на цепочках.

Собаки свободно бегают на ремешках.

Сам с большой верёвкой.

Тёща чемоданными ремнями прихвачена к блоку на тросе.

Машина в гараже приварена к столбам, врытым в землю, выходящим на другой стороне земного шара, и там законтрагаенным.

Гараж в броневых листах с канонерки.

Велосипед на цепи.

Цепь уходит к скальной породе и там приварена к металлическому столбу.
В общем, условия для жизни есть.
Осталось только жизнь наладить.

* * *

Вот ещё размышления.
Выполнить приказ не раздумывая или задумываясь?
Как лучше для приказа?
Вот в начале войны не задумывались.
А итог вы знаете.

* * *

Добро – сутулое, некрасивое, мозолистое, слезящееся, седое и даже кривоногое.
А зло вы когда-нибудь видели?
Да! Вы любовались им!

* * *

Сходя со сцены, он играл чудовищно.
Дома, в гостях, на улице – он не знал, кого изображать.
Не знал слов.
Не выработал походку.
Не мог вжиться в костюм.
Был неорганичен.
Как новичок.
Кто он? Кто?
Только на сцене, где есть костюм, слова и режиссёр, он был велик.

* * *

Всё, что-нибудь стоящее, – в одиночестве.
Насмотрелись мы на толпы.

* * *

Слоны, быки, медведи не имеют чувства юмора.
Это привилегия мышей, кролей, зайцев и прочих мелких, но хитрых.

* * *

Раньше смехом корчевали, теперь удобряют всякие гадости.

Самочувствие

Встал – лучше.
Вышел – хуже.
Выпил – лучше.
Съел – хуже.
Прилёг – лучше.
Встал – хуже.
Сел – лучше.
Пошёл – хуже.
Остановился – жуть.
Двинулся – мрак.
Прислонился – лучше.
Разговорился – ничего.
Договорился – лучше.
Проводил – хуже.
Завтра – не пришла.
Чем смешить будем, послезавтра концерт в Барнауле?

Весна

Почему у оленей зов в лесу весной?
Почему мужчина не может дать зов с улицы через окно?
Или из квартиры через форточку?
И почему не набегут женщины на самый могучий зов – зов жизни?
Даже слово «издаю» теперь обозначает пошлость.
Что ты издаёшь?
Я издаю зов.
Зов любви.
Трубный голос из квартиры.
Со скамейки.
Из двора.
Я выхожу на улицу.
Я возбуждён.
Огромный яркий хвост.
Красное горло, горящие щёки...
Мой зов:
– А-а-а!
Откликнитесь!
Из меня рвётся любовь!
Я уже люблю!
Не нужно бесед...
Кто я?
Я самец...
Без документов.
Без денег.
Я могучий самец.
Я зову в лес.
Для потомства.
Только для потомства. Денег у меня нет!
Что же вы разбежались?
У вас не хватает населения, а вы могучего самца заталкиваете в КПЗ.
От кого ж понесёте, если запрёте меня в такой период...
Ну, нету у меня недвижимости.
Я весь в движении.
Я несу в себе страсть и потомство.
Ой, поймали, скрутили, вернули на кухню...
Нет у меня для вас сына. Всё, весна кончилась.

Обокрали

У юриста, который летел в Одессу читать лекцию о морском праве, разрезали снизу подкладку пиджака и вытащили все деньги.

Я оказался телом более чувствителен и как-то дёрнулся, забеспокоился и уцелел.

А он звонил жене из Симферополя:

– Лена, ты только не волнуйся.

Из трубки раздался лай собаки.

– Лена.

Из трубки лай.

– Лена, убери Шульца... Это наша собака.

– У меня мало денег. Мне люди собрали. Нужно быстро говорить. Лена...

Оттуда лай.

– Лена, ты только не волнуйся. Меня обокрали. Лена, у меня нет времени говорить. Меня обокрали. Лена, у меня нет денег даже на этот разговор. Мне собрали на этот разговор.

Из трубки лай.

– Убери собаку. Мне собрали на этот разговор. Меня обокрали. Лена, телеграфируй мне в Одессу. Я из Симферополя говорю. Мы сели сюда. Одесса не принимала, и меня обокрали. Разрезали подкладку. Я по карточке говорю. Я не знаю, как посылать. Свяжись с моей работой. Нет, мне тут собрали на завтрак и на разговор. Лена, не волнуйся и перестань. Лена, перестань говорить. Лена, замолкай. Бросай трубку. Лена, я здоров. Пришли в Одессу. Лена, разберись.

Из трубки лай.

– Шульц, молчи. Меня обокрали. У меня нет денег на твой лай. Дубина.

Лена, в Одессе я буду завтра... Я не знаю, я буду просить у прохожих.

Я что-нибудь продам.

Я узнаю, где тут покупают.

Тут все что-то продают.

Отдыхающие всё продают.

Тут такие ряды...

Я встану в ряд...

Я не знаю...

Туфли, плащ...

Да чёрт с ним...

Надо выпить.

Не плачь...

Паспорт цел...

Кто меня будет встречать?

Я не знаю...

Всё! Она вылетает! Жизнь моя!

* * *

А я женщина, и бизнес у меня женский.

Салон.

Кого я могу брать?

У меня одни женщины.

Брать студенток нельзя.

На сессию уходят.
Брать пожилых – ну, во-первых, болезненные, во-вторых, только научишь – может помочь.
Молодых тоже не возмёшь – беременеют.
Лучше всего женщина от 30 до 40.
И миловидные, и работают, стараются и профессией дорожат.
Но тоже бедствием овладели – беременеют повально.
В сорок – сорок два.
От кого?
Кто там у них?
На свидание не бегала, в театр не ходила – и бац!
На четвёртом месяце.
Вот это самое страшное.
Немолодая, которая родила.
Это целый день звонки домой.
Как поел, как сходил, чем попochку вытерли, чем ножки протёрли.
Я сама женщина.
Но я же не беременею внезапно для всех.
Может, сейчас люди тяжело живут, но интересно.
Благодаря лекарствам и новым методам лечения.

* * *

– Мне трудно выразить свою мысль.
– А кто может помочь вам выразить вашу мысль?

* * *

Почему я не хочу быть губернатором.
У меня своих нет.
Ну – Сташкевич – вице-губернатор.
Ну – Гарик – вице-губернатор.
А МВД, а ФСБ, а секретариат, а торговля?
Нет дорог.
Кого поставить?
Посторонних? Не поставлю!
Нет своих – не лезь во власть!

Бедный Юрик

После выступления бездарного юноши, но сына очень богатого папы – специальное заседание педсовета.

Педагог по речи – языку:

– Мы здесь собрались прежде всего, чтобы отметить, что мальчик учится.

Главное у него есть.

Это... Это... Что именно, я скажу потом...

А сколько в него вбабахано труда.

Педагог по зарубежному театру:

– Просмотр был интеллигентным, грамотным.

Он определённо куда-то шагнул.

Хочет он или не хочет, но он уже на ступень выше того, что было.

Педагог:

– Он ещё не дотягивает. Ну что ж, это не страшно.

Нет ещё мышления, организованного напора.

Ну, для него это и не важно.

Ему важно учиться дальше.

И для чего он пребывает столь ярко и заметно в учебном процессе.

В потоке знаний ведь тоже как-то надо ориентироваться.

Он это явно, явно успевает.

Вот и Нонна Яковлевна проделала гигантский труд, и Николай Ефимович – огромную работу.

С ним много месяцев работал наш профессор по речи.

Ему, конечно, ещё надо подключиться самому. Он это знает!

А сейчас в присутствии его отца, нашего искреннего и доброго спонсора Геннадия Петровича, скажу – он будет актёром.

Мы ведь сами не торопим его...

Куда ему спешить...

Он ещё молодой.

Коллектив студентов и студенток у нас замечательный.

Мы ведь отбираем, Геннадий Петрович, тщательно.

У нас комиссия, конкурс.

К нам попадают очень красивые, вернее, талантливые девушки.

У нас уже все отобраны.

Ему не надо бродить по барам и дискотекам.

А учитывая состояние отделочных работ, завоз мебели в кабинеты, мы все усилия направим на диапазон образования вашего сына.

Без спешки, Геннадий Петрович.

Юра будет актёром...

Как только вы закончите отделочные работы в актовом зале, Юра перейдёт на второй курс.

На втором курсе программа будет сложнее.

Оборудование сцены, осветительная аппаратура, звуковая...

Кабина помрежа, телефонная связь.

Мне приятно, что Юра сам чувствует, что у него ещё не всё хорошо.

И его волнение сегодня...

Вы же видели, он так ничего и не сказал – хотя это большой и непростой монолог Шекспира.

Ну, не будем обвинять Шекспира.

Хотя ему тоже не мешало бы...

Это всё-таки первый курс.

Можно бы и полегче.

Но наши педагоги на поблажки не идут.

Тем более вы, Геннадий Петрович, сказали, что хотите видеть сына великим актёром, и мы берёмся. Правда, педагоги? А ну, хором: «Берёмся»!!! Слышали, Геннадий Петрович?

Он будет великим, но нужно время, нужен спортзал.

Мы все видели фигуры наших абитуриенток после первичного, так сказать, отбора.

Конечно, им где-то нужно поддерживать форму.

И не где-нибудь, а в хороших руках.

Сегодня государство устранилось, только частные лица.

Только частные руки частных лиц.

Хула-хуп! Бассейн.

Недавно у вас на дне рождения танцевала сборная по синхронному плаванию, на дне бассейна.

Все в восторге.

Наши студентки лучше...

Они не хуже.

Они выше – у них ещё и актёрский талант.

Они, выпрыгнув из воды, могут ещё что-то сказать...

Но для этого нужна вода.

Нужен бассейн.

Нужна сауна, Геннадий Петрович.

Тем более что у Юры пока плохо с индивидуальностью.

Нет её пока...

Она будет, Геннадий Петрович, мы её найдём.

И лицо собственное у него будет.

Подберём что-нибудь.

Но это огромная вакханалия труда всех педагогов вуза.

Здесь не обойтись без зарубежного опыта.

Может быть, придётся пригласить лондонских профессоров.

Все вместе мы ему найдём индивидуальность, и своё неповторимое лицо, и свой особый почерк в искусстве.

Всё, что нужно для великого актёра, у него будет.

Мы ему ищем.

Он дорисует, сакцентрирует.

Остальное мы в нём всколыхнём.

Он возьмёт зал, но зал, а не эту халабуду без огней.

Он, в сущности, танцор.

Мы в нём это развиваем.

Хотя негде абсолютно.

И скованность у него пройдёт.

Он так и не смог ничего показать и просто удрал со сцены.

Это чувство ответственности перед великим отцом.

Ваш приезд к нам вызвал вакханалию праздника, волнения и суеты.

А он танцор и будет им.

Но негде.
У нас нет танцевального зала...
Хорошо, будет проект, Геннадий Петрович.
Вы смотрите на Юру не как на свершившийся факт, а как на заявку.
Да, пока без результата.
Результата не достигнешь без мата, без зеркал, без трапеции, без трико, пуантов, испанских и русских костюмов.
Нам камзолы необходимы, маскарадные маски, сапоги...
Даже для чечётки нужны специальные накладки и помост.
Он будет бить степ.
Я всю жизнь бил степ.
И он будет бить степ...
Мы с ним вместе будем бить степ...
Видели «Вечер в Гаграх»?
Я тоже видел...
Юра тянется в искусство.
Отец Юры тянется в искусство...
Мы все здесь, как говорится, тоже тянем всех, кто тянется.
А при наличии новой крыши на здании, туалетов и особенно...
Почему Юра должен покрываться потом во время занятий?
У нас отобраны красавицы вокруг.
А Юра высокий, стройный парень.
Зачем ему потеть?
Кондиционер в кабинет директора, кондиционеры ведущим профессорам, а потом в будущий спортзал и актовый.
Ну, это проектом предусмотрено.
Это всё реминисценция, или, как сейчас говорят, римейк, сиквел и саундтрек.
Юра тянется к английскому, а у нас нет фонетического кабинета, аппаратуры, ларингофонов и зубоврачебного кресла.
А не дай бог, Юра осипнет.
Шекспир и Островский часто требуют крика в своих сиквелах.
Ему придётся воплощать на сцене драки, убийства, перекрывать рёв многотысячной толпы, сражаться с озверевшими монголами, а где у нас медпункт? Кто дежурит у аппарата для измерения давления крови и высоты тела?
Всё продали за долги – мой предшественник приватизировал медицинскую кушетку и бинты, зелёнку и кровоостанавливающий жгут.
А «Скорая» сейчас добирается позже, чем снегоочиститель.
И без медикаментов.
Медпункт в нашем деле главный, при наличии спортзала, актового зала, вечеров отдыха и актёрских театрализованных драк, и стилизованных мордобоев в общежитии.
Наверное, Юра захочет его посетить...
Общежитие.
Каждому хочется узнать, где толпятся отобранные нами таланты и красавицы.
Геннадий Петрович, я туда Юру не пушу!
Трупом лягу.
Прокрадусь за ним и выкраду, Геннадий Петрович.
Тараканы, крысы, мыши, девушки.
Кухня на этаж!
Вьетнамцы жарят селёдку – вонь до трёх вокзалов.

Внутренняя культура часто обгоняет внешнюю.

И на унитаза прыгают сверху, как козлы.

Ибо здоровье есть, а прицелиться нечем.

Геннадий Петрович, чтоб Юра не заболел, не заразился, не потерял остатки духовности, ему туда нельзя.

Туда можно пускать только за дополнительную плату – стоянка древнего человека.

Женщина, которая у них комендант, она же администратор, она же воспитатель и буфетчик – лечится непрерывно.

Просьба никому туда не заглядывать. Не СПИД, а спа на месте общежития.

Снести, Геннадий Петрович, к чёртовой матери.

Ради Юры – снести, место продуть авиадвигателями и построить спа со встроенными телекамерами в каждой комнате.

Чистота будет зафиксирована.

Дерьмо будет иметь фамилию.

Не попал в унитаз – попал на ковёр.

Попал на ковёр – попадёшь в унитаз.

Ради Юры!

Геннадий Петрович, он чистый мальчик.

Так что начнём с туалетов.

Потом актёрское мастерство, творческая неповторимость.

Туалеты – это реминисценция нашей жизни.

В нашем недалёком прошлом, когда государство охраняло наше здание, как памятник архитектуры, обгадили всё.

Каждый пользовался, чем хотел и где хотел.

Сегодня, с появлением Юры и его великого отца, мы вправе требовать от себя культуры и этикета, включая отношение к еде, как к ритуалу.

Столовая, Геннадий Петрович, – предмет забот.

Студент театрального вуза сегодня – человек не без одежды и не без денег.

Мы ему задержим цены в столовой...

Но оборудование кухни: коптильня, холодильник, гриль, ну и пекарня, электрические мясорубочные машины, кремозбивалки, овощерезки, электрические дуршлага, смесители, соковыжималки и разного рода пневмодробилки.

Юра – парень молодой.

Аппетит у него будь здоров, а если с друзьями?

Почему бы ему с улицы не попасть прямо в столовую...

А если это не столовая, Геннадий Петрович, а знаменитый на весь округ круглосуточный ресторан «У актёра Юрика».

Как у Шекспира – бедный Юрик!

Да, Шекспир, «У Юрика».

Домашние колбасы, соленья, паштеты, овощи свежие, селедочка, лучок, форшмак, соте овощное, рагу баранье, круассаны, барабулька жареная, колбаски, шашлычки из печени, из курочки, своя рыбка копчёная, своя кулинария в отдельном зале, вход с улицы, «Купи у Юрика» – компоты, окрошка холодная, борщ красный с чесночком и сметанкою.

Оркестр, цыганский хор студенток вуза, квартет профессоров, Геннадий Петрович, и спа, и телевидение своё со съёмкой сериалов.

А наш вуз при ресторане.

Это уже не вуз, а творческий актёрский городок, лечебно-профилактический диспансер на правах Академгородка при Министерстве культуры во главе с дирекцией.

И наш Юра.

Наш с вами Юра, Геннадий Петрович, будет почётным президентом.
Ура!
Господа!
Приятно думать, что не напрасно прожил.
Я вас любил, господа.
Любовь ещё, быть может, в душе моей... Поём все!.. Угасла не совсем!

Губами говорить

Потому что ничего нет лучше, когда вам шепчет в ухо что-то молодость.
Что-то шепчет, касаясь всеми своими губами.
Сопровождая какие-то слова тёплым дыханием.
Слегка щекотно и так приятно, что слушал бы...
Но слов не разобрать.
Сам процесс настолько...
И дыхание проникает настолько...
А там ещё смеются.
Это же, оказывается, анекдот...
– Ну, – говорят вам. – Смешно, правда?
– Да ещё как, – говорите вы, краснея. – А нельзя ещё раз концовку?
На вас смотрят удивлённо.
Но опять в ухо губами, и вы опять теряете сознание.
Будь в вашей власти, вы втянули бы в ухо всё это...
Вы силитесь понять...
А вам смеются внутрь тихонько и повторяют, чтоб вы поняли.
– Нет, не доходит, – говорите вы в надежде.
– Я третий раз не буду, даже для тупых. Сатирик, называется. Вы никого не смешите, кроме себя.
– Я... Да... Я не виноват... Я не расслышал.
– Глубже, чем в ухо, я не могу. Купите аппарат, сатирик, чтоб понимать хотя бы то, что говорят вам в ухо.
– Я понимаю по губам, – ответил я. – Но ваши губы следует прижать к моим и говорить.
И я клянусь: я разберусь, я не тупой, я просто одинокий.

* * *

Одесса.
Окна были на улице, над землёй, сантиметров тридцать.
И все присаживались на уличный подоконник, выпивали.
Хозяева видели в своих окнах только задницы.
Ничего.
Мы привыкли.

* * *

Люди входят в ресторан и внимательно изучают ваши тарелки.
Не обращая внимания на вас.
– Здравствуй, Миша, – глядя в мою тарелку. – Как живёшь? – горящими глазами изучая отбивную.
Да я сам скажу, сколько это стоит, не мучайся.
Поговори со мной.

* * *

Наша демократия.
Наши руководители.
Поместили камбалу в аквариум, под который подложили шахматную доску.
Через некоторое время камбала стала клетчатой в чёрную и белую клетку при всей своей независимости.

* * *

Сегодня при таком количестве войн, ураганов, наводнений, бомбёжек, взрывов нельзя говорить: «Не повезло».

Надо говорить: «Тьфу-тьфу! Повезло мало. Тьфу-тьфу! Повезло меньше, чем вчера. Тьфу-тьфу! Совсем, совсем крошечно повезло».

Даже если ранило...

«Ещё чуть-чуть, и не повезло бы совсем».

Целую.

* * *

Доброта – дело наживное.

Жестокость – врождённое.

* * *

На мысль надо отвечать мыслью.

Парень-студент задал такой вопрос, что мы решили его вывести из состава студсовета, из профсоюза медработников и исключить из института.

* * *

Законопослушное свободомыслие.

* * *

У него одна особенность.

Чем ты внимательнее его слушаешь, тем он хуже говорит.

А когда ты полностью сосредотачиваешься на его словах – он замолкает.

Бросай его сразу, и он будет безвреден.

* * *

Нам говорят: «Сохраняйте достоинство».

Ждать можно с достоинством.

А как с достоинством догонять?

Чехов

Допустим, к большому чиновнику сегодня, допустим, явится А.П. Чехов и подарит, допустим, свою новую книгу с личной надписью...

После его ухода чиновник долго будет заглядывать под книгу, перевернёт, потрясёт, перелистает и скажет: «Вот тип... Где же содержание?»

* * *

Животные – это наше воображение, как и другие любимые.

* * *

Я хочу, чтобы меня любили безответно, страстно и немедленно.
Дальше я сам разберусь.

* * *

У нас сатирику помогают все.
Он не должен быть талантливым...
ТВ само говорит через него.
Исправления, вырезания из текста создают особую прелесть изображению и звуку.
Заикания, вздрагивания передаются слушателям в виде волнения и нагнетания.
Как легко творить в такой атмосфере!

* * *

– Миша! Рассмеши его так, чтоб он умер от смеха.
– Зачем?
– Мне это нужно. Ну, поверь. Ну, сделай. Никто не придерётся. Ты понял?
– Я не уверен.
– А я уверен. Давай вот ту, с матом... Квартиру я организую.
– Ты с ума сошёл!
– Никто не докажет. На глазах у всех человек хохотал, хохотал и сдох.
– Теперь пойми ты меня. Чтобы было смешно ему – надо, чтобы было смешно мне. А как мне будет смешно, если ты такое задумал. Я не выдержу, я ему скажу: «Приятель, что тут смешного? Не смей смеяться. Оно всё тупое и с матом. Я сам этого стыжусь. И пошёл вон, или уйду я».
– Это если он не будет хохотать?
– А если он не будет хохотать, тогда я буду думать, что это я стал бездарным. И умру я. И если ты рассчитываешь на это, то ты больше не приходи. Деньги я могу взять, но обязательства – никогда.

Правда или то, что думаешь

Кто-то предложил:

– Давайте сегодня вечером говорить правду.

Наш главный друг, глава района, сразу сказал:

– Нет.

Мы говорили правду без него.

Переругались через пятнадцать минут.

Я говорил сначала одной женщине:

– Я тебя хочу.

Потом – другой.

Мы говорили то, что думаем, и как-то так вышло, что все выглядели неприглядно.

С тех пор не собираемся.

Всё-таки то, что думаешь, – одно.

А правда – совсем другое.

Унитаз, НАТО, Сочи

(Угроза Олимпиады)

Там, где наши люди... Когда хотели... Где приспичило, там и облегчались – на дерево, на забор, расписывались на снегу, – теперь поставят унитаз.

Всё!!! Страна присоединилась к европейской конвенции об оформлении облегчения мочеиспускания.

Виват.

Со вступлением в ВТО придётся мыть то, что вытирали.

И стирать носки ежедневно.

Иначе не возьмут.

А с Олимпиадой в Сочи ещё сложнее.

Всем постричься.

Бабкам ноги помыть, поставить их на каблуки и золотые зубы закрасить.

Мужикам костыли покрасить белым.

В гастрономах усилить ассортимент.

На вокзалах не пить.

Уезжать по расписанию.

В вагонах освежитель воздуха...

Дыхание свежее, ароматное.

Пить дома. Закусывать анчоусом и сыром.

Селёдку, капусту, огурцы – выбросить.

Первый самогон – штраф, второй – суд.

Никаких криков: «Пацаны, завтра в пять!»

Контракт!

И попробуй не прийти – придёшь с адвокатом.

Сочинским водителям при ДТП выйти из-за руля, руки на капот, ноги расставить... А дальше – как повезёт.

И все в галстуках круглосуточно.

И принудительные пробежки по утрам.

Крепкие толкают слабых.

И гольф – поголовно.

Гольф и ланч. Поголовно.

Утром – яйца и сэндвич...

Нет яиц – каша и круассан.

Нет круассана – каша и сок.

Нету сока – каша и газета.

Нет каши – радио и вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.